

A soldier in winter camouflage gear, including a helmet and a large tactical backpack, stands in the foreground with his back to the camera. He is looking out over a vast, snow-covered mountain valley. The valley is filled with evergreen trees, some heavily laden with snow. In the distance, jagged mountain peaks rise against a clear blue sky. To the right, a small wooden cabin with a snow-covered roof is visible. The overall scene is a high-altitude winter landscape.

СЕРГЕЙ ГИШЛИН

Протокол тишина. Эхо Зенита

Сергей Гришилин
Протокол тишина. Эхо Зенита
Серия «Протокол тишина.», книга 1

<https://litres.ru/74070703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Специальный агент Аробей двадцать лет был тенью — невидимой, бесшумной, смертоносной. Его наставник научил его главному правилу: тишина — это не отсутствие звука. Это отсутствие лжи.

Но когда он находит следы того, чего не должно существовать, и Центр приказывает ему закрыть глаза — он делает выбор. Выбор, который превращает его из исполнителя в изгоя.

«Протокол: Тишина» — первая книга цикла из пяти романов о человеке, который узнал: самая страшная тишина — это та, которую выбирают за тебя.

Содержание

Пролог	4
Шепот кедра	17
Железные кости	26
Эхо в бетоне	47
Протокол лжи	48
Пепел и снег	49
Дорога на восток	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Гришилин

Протокол тишина.

Эхо Зенита

Пролог

Горы не прощают. Это первое, чему учат тех, кто приходит сюда работать. Горы не прощают ошибок, не прощают слабости, не просят прощения сами. Они просто принимают тебя — или отвергают. И чаще всего — отвергают.

Аробей знал это лучше, чем кто-либо. Он шёл по серпантину уже третий час, и каждый его шаг был результатом двадцати лет дисциплины, превращённой в рефлекс. Носок ботинка касался смерзшегося гравия первым, вес перекатывался на внешнее ребро ступни, затем на пятку — бесшумно, плавно, как течёт вода. Он не поднимался в горы. Он становился частью горы, ещё одним камнем среди камней, ещё одной тенью среди теней.

Воздух здесь был другим. Не просто холодным — он был живым, плотным, пропитанным запахом хвои, сырой земли и того особого, металлического аромата, который появляется перед снегопадом. Каждый вдох обжигал лёгкие, каждый выдох превращался в клуб пара, мгновенно застывающий на

балаклаве. Аробей дышал ритмично, методично: четыре шага — вдох, четыре шага — выдох. Его тело было машиной, отлаженной до последнего винтика, и эта машина не знала слова «усталость».

Туман окутывал склоны, плотный, как вата, сужая мир до нескольких десятков метров серой пелены. Где-то далеко, за этой стеной, существовала цивилизация. Где-то были города, люди, новости, законы. Здесь, на высоте две тысячи метров, ничего этого не было. Только он, горы и тишина.

Но тишина была обманчивой.

В наушнике, скрытом под тканью балаклавы и защитного шлема, раздался тихий треск статики. Затем — голос. Спокойный, ровный, с той едва уловимой хрипотцой, которая выдавала человека, проведшего за пультом управления не одну бессонную ночь.

– Аробей, связь устойчивая, – произнёс Гранит. Его голос был таким же, как двадцать лет назад, когда он впервые принял курсанта в отряд. Таким же, как в те ночи, когда они сидели в бункере под Баку, и Гранит учил его различать звуки шагов по типу грунта. – Спутник вывел тебя на прямую. Ты в трёх километрах от контрольной точки.

Аробей нажал тангенту на воротнике куртки, не сбавляя шага.

– Слышу тебя, Гранит. Вижу маркер. Туман густеет, видимость упала до тридцати метров. Следов техники пока нет.

– Принято. Помни, патруль группы «Вега» перестал выхо-

дить на связь двенадцать часов назад. Последний сеанс был штатным, без аномалий. Твоя задача – визуальный контакт, оценка обстановки и, при возможности, эвакуация выживших. Никакого героизма. Ты – глаза и уши Центра.

– Понял. Без героизма, – коротко бросил Аробей, отключая микрофон.

Он поправил лямку разгрузки, чувствуя, как автомат ложится в привычную ложбинку на груди. Оружие было проверено трижды перед вылетом. Патрон в патроннике, предохранитель снят только в момент непосредственного контакта. Аробей предпочитал действовать в одиночку. Группа – это шум, это компромиссы, это чужие ошибки, за которые приходится платить своей кровью. Здесь, на этой проклятой высоте, он был один на один с горами и с тем, что случилось с группой «Вега».

И с тишиной.

Он всегда любил тишину. В детстве, когда мать уходила на работу, а отец не возвращался из командировок, тишина была его единственным другом. В армии тишина стала его оружием. Сейчас, в тридцать шесть лет, тишина была его единственной правдой. Он не верил словам. Словами можно было лгать, манипулировать, прятаться за ними. Но тишина никогда не лгала. Тишина говорила правду – ту самую, которую люди боялись услышать.

Туман начал редеть, но лишь для того, чтобы уступить место другому врагу. С неба, словно из ниоткуда, посыпались

первые крупные хлопья снега. Они тут же таяли на разогретой поверхности бронежилета, но ветер, усиливающийся с каждой сотней метров подъёма, быстро превращал их в ледяную крошку, бьющую по лицу.

Прошло сорок минут медленного, методичного подъёма. Мышцы ног начали ныть, требуя отдыха, но Аробей заставил себя сделать короткую остановку лишь для того, чтобы свериться с компасом. Он был машиной, отлаженной до миллиметра. И эта машина не знала слова «остановиться».

Серпантин сделал резкий поворот, открывая небольшую площадку, вдавленную в склон горы. И там, в серой мгле, проступили очертания техники.

Это был армейский внедорожник, окрашенный в стандартный камуфляж пограничных войск. Машина стояла под неестественным углом, одним колесом свесившись в кювет. Двигатель был заглушен, но капот всё ещё слабо дымился, выдавая недавнюю работу.

Аробей мгновенно перешёл в режим боевого внимания. Он снял автомат с предохранителя, бесшумно припал к земле, используя валун как укрытие, и начал осматривать периметр. Никаких движений. Никаких звуков, кроме завывания ветра.

Он медленно, шаг за шагом, сократил дистанцию, приближаясь к машине с мёртвой зоны. Стёкла были выбиты. Не пулями – чем-то тяжёлым, тупым. Лобовое стекло превратилось в паутину трещин, а боковые отсутствовали вовсе.

– Гранит, я на месте, – прошептал Аробей в микрофон, его глаза сканировали салон. – Вижу транспорт группы «Вега». Машина брошена. Стёкла выбиты. Кровь на приборной панели и на снегу. Свежая, не замерзла до конца.

– Принял, Аробей, – голос в наушнике остался невозмутимым, но в нём проскользнула новая нотка напряжения. – Сделай снимок периметра и детальный снимок земли вокруг водительского места. Передаю данные на анализ.

Аробей медленно обошёл машину, стараясь не наступать на подозрительные пятна на снегу, и навёл камеру на землю у переднего колеса. Раздался едва слышный щелчок.

В наушнике повисла тишина. Длилась она ровно одиннадцать секунд. Для Гранита это была целая вечность.

– Вижу гильзы, – наконец произнёс Гранит, и его голос стал суше, аналитичнее. – Калибр 5.45. Стреляные. Судя по разбросу, стрельба велась очередями. Но вот что важно, Аробей: наши не стреляли в упор из машины. Гильзы снаружи, у передних колёс. Они попытались выйти из транспорта. Это была не перестрелка. Это была засада.

Аробей почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с погодой. Засада на пограничной метеостанции в глуши Алтая? Кому это могло быть нужно?

– Будь осторожен, Аробей, – продолжил Гранит. – Переведи тепловизор в активный режим, прочеши сектор на предмет скрытых сигнатур. Если они устроили засаду здесь, они могут контролировать подходы к станции.

– Понял. Перевожу, – Аробей коснулся сенсора на боку шлема. Мир окрасился в оттенки синего и фиолетового. Он медленно повёл головой, сканируя склон выше по серпантину. – Тепловых сигнатур нет. Только остывающий двигатель и постой.

Он прищурился, вглядываясь в фиолетовую дымку.

– Вижу слабые остаточные следы. Множественные. От машины они уходят в сторону станции. Примерно шесть-восемь человек. Они шли быстро, но не бежали. Идут след в след, чтобы сбить с толку. Профессионалы.

– Или хорошо обученные наёмники, – мрачно заключил Гранит. – Расстояние до станции – четыреста метров. Лесополоса слева даёт естественное укрытие. Используй её. Двигайся бесшумно. Я буду мониторить эфир на предмет любой активности. Если что-то пойдёт не так, у тебя есть право на применение оружия по ситуации. Но помни: ты здесь, чтобы узнать правду, а не начать войну.

– Принято. Выдвигаюсь по лесополосе. Конец связи.

Подход к метеостанции был упражнением в предельной концентрации. Аробей заставил своё тело двигаться с неестественной плавностью. Каждый шаг рассчитывался так, чтобы нога опускалась на землю с внешнего края ступни, перекатываясь на носок, чтобы не сломать сухую ветку и не хрустнуть снегом. Его выносливость была на пределе: тяжёлое дыхание приходилось сдерживать силой воли, чтобы не создавать лишнего шума.

Здание метеостанции возникло из тумана, как призрак. Двухэтажное строение из потемневшего бруса и бетона, с облезлой краской и покосившейся антенной на крыше, которая теперь безжизненно свисала вниз. Окна на первом этаже были заколочены фанерой, но одна доска на центральном окне была сорвана, зияя чёрной дырой.

Аробей остановился в десяти метрах от главного входа. Он прислонился спиной к холодному камню фундамента, закрыл глаза на секунду, выравнивая пульс, и открыл их уже с холодным, расчётливым фокусом хищника.

– Гранит, я у входа. Дверь приоткрыта. Петли не сорваны, замок, похоже, выбили изнутри или открыли ключом.

– Будь предельно внимателен, Аробей. Внутри замкнутое пространство. Любой звук будет усилен. Если там кто-то есть, ты узнаешь об этом первым.

– Понял. Вхожу.

Аробей бесшумно толкнул тяжёлую металлическую дверь. Она скрипнула, и этот звук в мёртвой тишине прозвучал как выстрел. Он замер, вскидывая автомат, водя стволом из стороны в сторону, прислушиваясь. Тишина. Только гул ветра за стенами и капающая где-то в глубине здания вода.

Он проскользнул внутрь, плотно прикрыв за собой дверь.

Внутри пахло сыростью, старой пылью, машинным маслом и слабым, едва уловимым металлическим запахом свежей крови. Коридор был длинным и узким, освещённым лишь тусклым, мерцающим светом аварийной лампы в даль-

нем конце. Стены были обшиты деревянными панелями, многие из которых были сорваны или исцарапаны. Не пулями. Когтями? Или чем-то похожим на них. Аробей провёл пальцем в перчатке по глубокой борозде в дереве. Слишком широкая для ножа. Слишком глубокая для обычного инструмента.

Он двигался по коридору, прижимаясь к стене, проверяя каждую дверь. Первая комната – пустой склад с перевёрнутыми стеллажами. Вторая – разгромленная комната связи. Аппаратура была вырвана с корнем, провода свисали, как кишки, мониторы разбиты вдребезги.

– Гранит, я в здании, – прошептал Аробей, его голос был едва слышен даже для него самого. – Первый этаж зачищен. Следы борьбы. Техника связи уничтожена намеренно, не просто разбита, а вырвана с мясом. Ищу лестницу на второй этаж.

– Принято, Аробей. Я фиксирую странные электромагнитные помехи в твоём секторе. Связь ухудшается. Аробей, если эфир ляжет, твоя приоритетная задача – немедленный отход к точке эвакуации. Не геройствуй.

– Понял. Поднимаюсь.

Лестница скрипнула под его весом. Аробей замер на полпути, затаив дыхание. Наверху раздался звук. Тихий, шаркающий. Как будто кто-то волочил тяжёлый предмет по деревянному полу.

Он бесшумно преодолел оставшиеся ступени, оказавшись

на втором этаже. Коридор здесь был таким же длинным и мрачным. В конце его, в единственной комнате с приоткрытой дверью, мерцал слабый красный огонёк.

Аробей приблизился к двери, прижался к косяку и резко, но бесшумно заглянул внутрь. Комната пуста. Никаких врагов. Никаких тел.

В центре пола, на фоне разбросанных бумаг и опрокинутого стула, лежало небольшое чёрное устройство. Полевой регистратор данных. Именно от него исходило слабое красное свечение светодиода, мигающего в режиме ожидания.

Аробей вошёл в комнату, не опуская автомат, и присел на корточки рядом с устройством. Он не стал трогать его голыми руками, аккуратно подцепив краем ножа и перевернув. На экране мигала надпись: «1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ».

– Гранит, я нашёл устройство записи. В комнате на втором этаже. Тел нет. Только это.

– Не включай его вслепую, Аробей, – голос Гранита вдруг стал жёстче, в нём прорезались нотки тревоги, которые оперативник не слышал никогда раньше. – Это может быть маяком или триггером. Проверь его на наличие взрывчатки.

Аробей внимательно осмотрел устройство со всех сторон. – Чисто. Нет взрывчатки, нет активной радиопередачи. Только локальная аудиозапись. Включаю.

Он нажал кнопку воспроизведения.

Сначала из динамика донёсся лишь треск и шипение, а затем – голос. Но это был не голос командира патруля. Это

был искажённый, прерывающийся шёпот, полный первобытного, животного ужаса. Голос срывался, человек задыхался, словно бежал или прятался, прижимая рот к микрофону.

«повторяю, это не диверсанты они не люди Боже, они не люди» – голос прервался тяжёлым, влажным кашлем. – «Протокол Протокол "Зенит" активирован. Они вырвались из-под льда. Не присылайте подкрепление. Не присылайте никого. Заблокируйте сектор. Они слышат радиоволны. Они идут на»

Запись оборвалась резким, оглушительным скрежетом, похожим на скрежет металла о кость, а затем наступила абсолютная, звенящая тишина.

Аробей замер. Его разум, натренированный анализировать тысячи сценариев, на долю секунды дал сбой. «Не люди»? «Из-под льда»? Это звучало как бред сумасшедшего, но ледяной ужас в голосе говорящего был слишком настоящим, слишком подлинным, чтобы его можно было сыграть.

В наушнике повисла тяжёлая пауза. Связь прорывалась с трудом, сквозь плотную стену помех, но в голосе Гранита больше не было аналитической спокойности. В нём была сталь и отчаянная срочность.

– Аробей, слушай меня внимательно, – голос Гранита резко изменился, став жёстким, командным, отсекающим любые сомнения. – Это уже не пропавший патруль. Повторяю, это уже не пропавший патруль. Отступай к точке эвакуации. Немедленно.

– Гранит, что такое «Проект Зенит»? – Аробей уже разворачивался к двери, его мышцы напряглись, готовые к рывку.
– В базе данных нет такой информации.

– Миссия изменена, Аробей! – почти крикнул Гранит, и в этот момент связь прервалась, сменившись сплошным белым шумом. – Повторяю, миссия изменена. Это ловушка. Выходи оттуда!

Белый шум в наушнике был оглушительным. Аробей рванул его из уха, чтобы слышать окружающий мир. Его сердце билось ровно, но быстро, накачивая кровь, обогащённую адреналином. Он не паниковал. Паника убивает. Он переключился в режим чистого выживания.

Он бесшумно выбежал из комнаты, направляясь к лестнице. Но именно в этот момент он услышал это.

Снизу, с первого этажа, раздался звук. Не скрип. Не шорох. Это был тяжёлый, синхронный шаг. А затем ещё один. И ещё. Множественные шаги. Они не пытались быть бесшумными. Они двигались с подавляющей, методичной уверенностью, поднимаясь по лестнице.

Аробей замер в темноте длинного коридора второго этажа. Он прижался спиной к холодной деревянной стене, затаив дыхание. Его пальцы легли на цевьё автомата. Он перевёл дыхание в режим минимального потребления кислорода.

Шаги приблизились к площадке лестницы. Они остановились.

Аробей медленно, миллиметр за миллиметром, выглянул

из-за угла.

В начале коридора, в тусклом свете мерцающей лампы, стояла тень. Высокая, неестественно вытянутая фигура в тяжёлом тактическом обмундировании, но с очертаниями, которые не соответствовали человеческой анатомии. Плечи были слишком широкими, движения – дёргаными, но при этом пугающе плавными.

Фигура медленно повернула голову в сторону Аробея. В темноте не было видно лица, только тусклый отблеск чего-то, похожего на оптический сенсор, но не стандартного армейского образца.

Оно знало, что он здесь.

Фигура сделала шаг назад, в тень лестничного пролёта. Раздались удаляющиеся шаги. Не бегство. Это было отступление. Или, что было гораздо хуже, приглашение. Они не атаквали сразу. Они загоняли его в угол. Они блокировали единственный выход.

И тут, прямо за спиной Аробея, из темноты глухого угла коридора, куда он даже не подумал проверить, раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Резкий, металлический, лязгающий звук.

Щёлк-кляц.

Щелчок затвора, передёргиваемого вручную. Звук был так близко, что Аробей почти почувствовал дульное тепло. Кто-то стоял прямо за его спиной, в слепой зоне, всё это время, пока он смотрел на лестницу.

Аробей начал разворачиваться, его мышцы взорвались движением, но было уже слишком поздно.

Свет аварийной лампы мигнул в последний раз и погас, погружая коридор в абсолютную, непроглядную тьму. Последнее, что услышал Аробей перед тем, как сознание поглотила чернота, был не выстрел, а тяжёлый, хриплый выдох прямо у своего уха и звук падающего на пол тела.

Остался только звук удаляющихся, тяжёлых шагов в темноте и эхо затвора, застывшее в ледяной тишине гор Алтая.

И где-то далеко, в бункере под уральскими горами, Гранит смотрел на погасшую метку на карте и понимал: он только что потерял человека, которого считал сыном. И что настоящая война только начинается.

Шепот кедра

Тайга не прощает чужаков. Это первое, чему учат тех, кто приходит сюда работать. Тайга терпит их лишь до тех пор пока они не нарушают её древний, неписанный закон тишины. А когда закон нарушается, тайга начинает переваривать нарушителя, медленно, методично и безжалостно, стирая его из памяти земли так, будто его здесь никогда и не было.

Аробей двигался сквозь утренний туман, стелющийся над мхом, как призрачное, холодное море. Воздух здесь был густым, осязаемым, пропитанным запахом прелой хвои, сырой земли и ледяной влаги, которая, оседая инеем на воротнике его тяжёлой куртки, медленно, но верно пробиралась к коже. Каждый его шаг был результатом долгих лет изнурительных тренировок, выверен до миллиметра: носок ступни в мягком, но прочном ботинке касался земли первым, вес тела мягко перекачивался на внешнее ребро, затем на пятку, чтобы не хрустнула ни одна сухая ветка, не шелохнулся ни один камешек, не треснула ни одна льдинка. Он не шёл по лесу — он вплетался в него, становясь ещё одной тенью среди вековых, мрачных кедров, чьи кроны смыкались над головой, перекрывая и без того скудный, свинцовый свет пасмурного утра.

Он вспоминал ту метеостанцию. Ту тьму. Тот щелчок затвора за спиной.

Прошло три недели.

Три недели, которые он провёл в медицинском блоке Центра, восстанавливаясь после того, что официальные отчёты назвали "контузией лёгкой степени", а что на самом деле было тяжёлым ранением и семидесятидвухчасовой комой. Три недели, которые он провёл в тишине, слушая, как его собственное тело возвращается к жизни, как сердце заново учится биться ровно, как лёгкие заново учатся дышать без боли.

И три недели тишины, которая больше не была его союзником.

Гранит навещал его дважды. Первый раз — на второй день, когда Аробей ещё не мог говорить. Гранит сидел у кровати, молчал, смотрел на него тем же спокойным, аналитичным взглядом, что и двадцать лет назад, когда принимал его в отряд. Но в этом взгляде было что-то новое. Что-то, чего Аробей никогда раньше не видел. Вина? Или облегчение?

Второй раз Гранит пришёл на десятый день. Он принёс с собой планшет с новыми данными.

— Ты помнишь метеостанцию? — спросил он, не глядя на Аробея.

— Помню, — ответил Аробей. Его голос был хриплым, непривычным после долгого молчания.

— Там никого не было, когда тебя нашли. Ни тел, ни следов борьбы. Только разбитая аппаратура и кровь. Твоя кровь.

Аробей молчал. Он помнил. Помнил щелчок затвора. Помнил тяжёлый выдох у своего уха. Помнил, как сознание проваливалось в черноту. Но он не помнил, как его нашли. Не помнил эвакуации. Не помнил, как оказался в медицинском блоке.

— Командование считает, что ты пережил галлюцинации, вызванные воздействием неизвестного вещества, — продолжил Гранит, его голос был ровным, но в этой ровности скрывалось напряжение. — Что ты потерял сознание от кровопотери, а когда пришёл в себя, твой мозг достроил картину произошедшего, основываясь на записи с диктофона.

— А ты? — спросил Аробей.

Гранит наконец поднял глаза. В них не было ни сомнения, ни уверенности. Только холодная, кристальная ясность.

— Я думаю, что ты не сошёл с ума. Я думаю, что там действительно кто-то был. И я думаю, что они вернутся.

Он положил планшет на тумбочку и вышел, не сказав больше ни слова.

С тех пор прошло ещё десять дней. И теперь Аробей снова был в тайге. Снова шёл по серпантину. Снова слушал голос Гранита в наушнике. Но что-то изменилось. Тишина больше не была его защитой. Тишина стала его врагом. Потому что в тишине он слышал то, что не должен был слышать. Шаги. Дыхание. Щелчок затвора.

— Аробей, связь устойчивая, — голос Гранита прервал его мысли. — Спутник вывел тебя на прямую. Ты в трёх ки-

лометрах от последней известной точки контакта состава номер сорок два.

Аробей нажал тангенту на воротнике куртки, не сбавляя шага.

— Слышу тебя, Гранит. Вижу маркер. Туман густеет, видимость упала до двадцати метров. Следов техники пока нет.

— Принято. Помни, патруль группы «Восток» перестал выходить на связь десять часов назад. Последний сеанс был штатным, без аномалий. Твоя задача — визуальный контакт, оценка обстановки и, при возможности, эвакуация выживших.

— Понял. — коротко бросил Аробей, отключая микрофон.

Прошло двадцать минут медленного, методичного подъёма. Мышцы ног начали ныть, требуя отдыха, но Аробей заставил себя сделать короткую остановку лишь для того, чтобы свериться с компасом.

Серпантин сделал резкий поворот, открывая небольшую площадку, вдавленную в склон горы. И там, в серой мгле, проступили очертания человека.

Это был не солдат и не потерянный турист. Старик в потрёпанном, местами залатанном ватнике, с длинной, спутанной седой бородой, в которой застряли хвоинки и кусочки коры. Через его колено была небрежно перекинута старенькая двустволка с потемневшим от времени и влаги деревянным ложем. Он курил самокрутку, и едкий, горький дым тут

же растворился в сырости, не успевая подняться вверх.

Аробей замер. Он не стал прятаться — в этом месте это было бы ошибкой, выдавшей бы его присутствие. Вместо этого он плавно, без резких движений, снял руку с рукояти автомата, но не убрал её далеко, держа пальцы в готовности. Он сделал шаг вперёд, намеренно, но аккуратно наступив на сухую, толстую ветку.

Хруст прозвучал как выстрел в этой неестественной, давящей тишине.

Старик не вздрогнул. Он не дёрнулся, не потянулся к рубью. Он лишь медленно, с ленивой грацией старого, повидавшего всё хищника, повернул голову, и его блёклые, но пронзительные, словно выцветшие на солнце осколки стекла, глаза уставились прямо на Аробея.

— Ты громко ходишь для того, кто так сильно хочет остаться незамеченным, городской, — прохрипел старик. Его голос напоминал скрежет камней на дне пересохшего ручья.

— Я ищу поезд, — сказал Аробей, подходя ближе, но сохраняя дистанцию в пять метров — оптимальную для реакции на внезапную атаку. — Железнодорожный состав. Он шёл этой дорогой. Военный эшелон.

Старик усмехнулся, обнажив жёлтые, редкие зубы, и сплюнул в сторону, прямо в мох.

— Поезд? Железная дорога молчит уже трое суток. А до того, как она замолчала, я слышал не лязг вагонов и не гудок

тепловоза. Я слышал вой.

— Волчий? — уточнил Аробей, сканируя периметр боковым зрением, отмечая каждую деталь.

— Не волчий, — отрезал старик, и в его глазах мелькнула тень искреннего, глубоко запрятанного страха. — Механический. Низкий, вибрирующий. Такой, от которого зубы сводит, а собаки воют, забившись под крыльцо и не смея высунуть нос. Земля дрожала.

Аробей достал из разгрузки небольшую, заламинированную фотографию. На ней был запечатлён командир охраны состава, майор с суровым, волевым лицом.

— Ты видел этих людей? Тех, кто был на поезде?

Старик даже не взглянул на фото. Он выбил самокрутку о грубый каблук валенка, и тлеющие искры погасли в грязи.

— Меня зовут Ворон. И я не люблю, когда военные в камуфляже роются в моей тайге, оставляя после себя только смерть. Но тебе, похоже, повезло, городской. Я видел, как они прошли. Не по рельсам. Они ушли в сторону старых выработок, к бетонным коробкам, что гниют у реки.

— Куда именно? — настойчиво спросил Аробей, делая ещё полшага вперёд.

Ворон помолчал, разглядывая Аробея с новым, странным интересом, словно оценивая, стоит ли этот человек в дорогой экипировке того, чтобы его предупредить, или он такой же обречённый, как и те, кто прошёл здесь до него.

— За рекой, где лес кончается и начинается ржавчина.

Там, где раньше делали станки, а теперь, похоже, делают гробы. Но послушай мой совет, если в тебе ещё осталась капля разума: не ищи их. То, что забрало этот поезд, не оставит тебе ничего, кроме дырки во лбу и забытого имени. Они не люди. Или больше не люди.

— Что ты имеешь в виду? — Аробей сузил глаза.

— Они двигались так, будто у них один мозг на всех, — прошептал Ворон, и его голос дрогнул. — И они видели в темноте. Не свети фонарём, городской. Они видят тепло. Они слышат, как кровь стучит в твоих венах.

Старик поднялся, вскинул ружьё на плечо с неожиданной для его возраста лёгкостью и, не сказав больше ни слова, шагнул в сторону. Он не пошёл по тропе. Он просто вошёл в густую стену кустарника и растворился в тумане так же бесшумно и незаметно, как и появился, словно его и не было вовсе.

Аробей постоял ещё несколько секунд, прислушиваясь. Только шелест ветра. Он нажал тангенту.

— Гранит, ты слышал разговор?

— Частично, — ответил Гранит, и в его голосе впервые за всё время прозвучала тень озабоченности, скрытая за профессиональной маской. — Искра уже пробивает информацию по старым промышленным зонам в этом секторе. Есть один крупный объект — машиностроительный завод, заброшенный в девяностых. Он идеально подходит под описание «бетонных коробок» у реки. Аробей, выходи к руслу реки.

Там ты должен найти сам поезд. А я пока свяжусь с местным депо. Возможно, кто-то из рабочих или диспетчеров видел больше, чем этот местный отшельник.

— Принято. Двигаюсь к реке. Конец связи.

Аробей сделал ещё один шаг вперёд, но тут же остановился. Что-то было не так. Он медленно повернул голову, сканируя лес боковым зрением. Ничего. Только туман, деревья, тишина.

Но тишина была неправильной.

Он знал эту тишину. Это была та самая тишина, которая наступала перед грозой. Та самая тишина, которая заставляла птиц замолкать, а насекомых прятаться. Тишина, которая означала, что где-то рядом есть что-то, чего природа боится больше, чем грозы.

Аробей медленно, не спеша, снял автомат с предохранителя. Его пальцы легли на цевьё, большой палец нащупал переключатель режимов огня. Он сделал глубокий вдох, задержал дыхание и прислушался.

И услышал.

Не звук. Не шорох. Не хруст ветки под ногой. Он услышал тишину. Ту самую, абсолютную, звенящую тишину, которая наступает, когда что-то большое и тяжёлое замирает, затаив дыхание. Когда хищник готовится к прыжку.

Он медленно, миллиметр за миллиметром, повернул голову влево.

В десяти метрах от него, за стволом огромного кедра, сто-

яла тень. Не человек. Не животное. Тень. Высокая, неестественно вытянутая, с очертаниями, которые не соответствовали человеческой анатомии. Плечи были слишком широкими, голова — слишком маленькой. И эта тень не двигалась. Она просто стояла, наблюдая за ним.

Аробей не стал стрелять. Он не знал, что это. Он не знал, стреляет ли оно. Он просто замер, глядя в эту тень, чувствуя, как холодный пот стекает по спине, как сердце бьётся так сильно, что он боится, что тень услышит его стук.

Тень стояла неподвижно. Секунду. Две. Три.

А затем, так же бесшумно, как и появилась, она отступила назад, вглубь леса, и растворилась в тумане.

Аробей выдохнул. Его руки дрожали. Он никогда раньше не боялся. Страх был для тех, кто не умел контролировать свои эмоции. Но сейчас, стоя посреди тайги, с автоматом в руках, он чувствовал страх. Настоящий, первобытный страх.

Потому что он понял.

Ворон был прав.

Железные кости

Тень исчезла, но ощущение её присутствия осталось. Оно висело в воздухе, как запах озона перед грозой, как тот самый металлический привкус на языке, который появляется, когда что-то невидимое проходит слишком близко. Аробей стоял неподвижно ещё минуту, прислушиваясь к собственному дыханию, к стуку сердца, к тишине, которая теперь была не пустой, а наполненной чем-то тёмным и чужим.

Он не стал стрелять. Не потому что боялся выдать позицию — хотя и это тоже. А потому что не знал, во что стрелять. Тень не была человеком. Тень не была животным. Тень была чем-то, что не должно было существовать. И если он выстрелит, если пуля пройдёт сквозь неё, как сквозь дым, то что тогда? Что он скажет Граниту? Что он увидел призрак? Что тайга сошла с ума?

Аробей медленно опустил автомат, но не снял палец со спусковой скобы. Он сделал глубокий вдох, заставил себя расслабить плечи, расцепить челюсти. Страх — это реакция. Реакция — это слабость. Слабость — это смерть. Он не мог позволить себе умереть здесь, в этой проклятой тайге, не узнав правды.

Он нажал тангенту.

— Гранит, — его голос был ровным, но в нём звучала та самая сталь, которая появлялась только в моменты предель-

ного напряжения. — У меня визуальный контакт с неидентифицированным объектом. Десять метров, левый фланг, за кедром. Высокий, нечеловеческой анатомии. Исчез через три секунды.

В эфире повисла тишина. Не помехи. Не задержка сигнала. Просто тишина. Та самая, тяжёлая, давящая тишина, которая означала, что Гранит думает. Что он взвешивает каждое слово, прежде чем произнести его.

— Повтори, Аробей, — наконец сказал Гранит, и его голос был тише, чем обычно. — Ты сказал "нечеловеческой анатомии"?

— Да, — Аробей продолжал двигаться, но теперь его шаги были ещё более осторожными, ещё более выверенными. — Рост примерно два метра двадцать. Плечи шириной более метра. Голова непропорционально маленькая. Двигался бесшумно. Исчез в тумане.

— Галлюцинации? — спросил Гранит, и в его голосе не было сомнения. Был только холодный анализ.

— Нет, — отрезал Аробей. — Я в норме. Датчики шлема не фиксируют отклонений. Температура, пульс, сатурация — всё в пределах нормы. Это не галлюцинация. Это что-то реальное.

Снова пауза. Более длинная. Аробей мог почти слышать, как Гранит на том конце провода просматривает данные, сверяется с архивами, принимает решение.

— Принято, — наконец сказал Гранит. — Я передам ин-

формацию Искре. Пусть проверит все известные случаи подобных контактов за последние двадцать лет. Аробей, будь предельно осторожен. Если это не галлюцинация, если это действительно что-то... другое, то мы имеем дело с неизвестной угрозой. А неизвестная угроза — это самая опасная угроза.

— Понял, — коротко бросил Аробей, отключая микрофон.

Он продолжил движение, но теперь каждый шаг был наполнен новым смыслом. Он не просто шёл к поезду. Он шёл навстречу чему-то, что не должно было существовать. Что-то, что пряталось в тумане, в тенях, в тишине. Что-то, что видело тепло, слышало кровь, двигалось как один организм.

И он шёл туда один.

Русло высохшей реки оказалось не таким уж и высохшим. В низине, скрытой от пронизывающего ветра, сохранились лужи мутной, застоявшейся воды, а по краям тянулась густая, колючая лоза, цепляющаяся за одежду, как руки утопленников. Воздух здесь был другим — тяжёлым, влажным, пропитанным запахом гниющей органики и того самого металлического аромата, который Аробей уже чувствовал на метеостанции. Запах озона. Запах чего-то, что не должно было существовать в природе.

И именно здесь, среди этой дикой, запущенной поросли, лежал изувеченный гигант.

Состав номер сорок два сошёл с рельсов не из-за аварии

или ошибки машиниста. Аробей увидел это сразу, как только вышел на гребень холма и остановился, слившись с силуэтом огромного, поросшего лишайником валуна. Тепловоз был смят, словно консервная банка, ударившаяся о невидимую, непреодолимую стену на огромной скорости. Металл кабины был вывернут наружу, стекло разбито в мелкую, блестящую крошку. За ним вагоны сошли с пути, выстроившись в ломаную, неестественную, змееподобную линию. Некоторые из них были вскрыты. Не взрывом и не резаком. Дверные проёмы были вырваны с корнем, петли выломаны, толстый металл загнут наружу, будто кто-то обладал нечеловеческой, демонической силой или использовал режущее оборудование промышленного масштаба, работающее с пугающей, хирургической эффективностью.

Аробей спустился вниз, его автомат был вскинут и готов, палец лежал на спусковой скобе. Он двигался между вагонами, сканируя каждый угол, каждую тень, каждый выступ металла. Запах здесь был другим: не хвоя и сырая земля, а резкий, тошнотворный запах озона, горелой проводки и сладковатый, тяжёлый, металлический дух свежей крови, который не мог полностью скрыть даже холодный, влажный воздух.

— Гранит, я на месте, — прошептал он, заглядывая в зияющую, тёмную дыру одного из грузовых вагонов. Внутри царил хаос: ящики разбиты, содержимое разбросано, но, что важно, не тронут. — Состав разворочен. Это не диверсия с целью кражи или мародёрства. Это хирургическое изъятие.

Они искали что-то конкретное и забрали только это, игнорируя всё остальное.

— Подтверждаю, Аробей, — в эфире раздался голос Гранита. — Искра только что закончила анализ манифеста состава. Официально он вёз строительное оборудование для северных регионов. Но в приложении к документу, которое удалось выцепить из зашифрованного архива, указан код «Зенит-семь». Это не оборудование. Это экранированный контейнер особого назначения.

— Что в нём было, Искра? — спросил Аробей, продолжая осмотр, его глаза выхватывали детали: странные, выжженные отметины на металле, полное отсутствие гильз от стрелкового оружия.

— Данные засекречены даже для меня на этом уровне допуска, — ответил новый голос. Молодой, но на удивление твёрдый, чёткий женский голос. Это была Искра. — Но Гранит говорит, что это может быть связано с экспериментальными системами подавления связи и радиоэлектронной борьбы.

Аробей обошёл тепловоз и замер. У гусеничного трактора, который когда-то использовался для расчистки путей, в грязи, полускрытый грязным, промасленным брезентом, лежал человек.

Аробей мгновенно оказался рядом, опускаясь на одно колено, автоматически перекрывая сектор обзора своим телом. Это был молодой солдат в форме железнодорожных войск.

Его лицо было бледным, как мел, покрытым слоем грязи и запёкшейся, тёмной кровью. Грудь едва заметно, судорожно вздымалась. Он был жив, но находился на самой грани, за которой начинается необратимое угасание.

— Гранит, у меня выживший. Один. Нужна срочная эвакуация и медик, — чётко доложил Аробей, уже доставая из подсумка индивидуальный перевязочный пакет.

— Понял, Аробей. Держись с ним. Я уже поднимаю тревогу, вертолёт будет через сорок минут. Дай ему воды, если он в сознании.

Аробей осторожно приподнял голову солдата, снял с него тяжёлый, помятый шлем и достал флягу с водой.

— Эй, боец, — тихо, но твёрдо сказал он, слегка похлопывая его по щеке. — Слышишь меня? Смотри на меня. Ты в безопасности. Я из Центра. Что здесь произошло? Назови мне своё имя.

Солдат открыл глаза. Они были мутными, неестественно расширенными от пережитого ужаса, в них не было узнавания или облегчения, только чистый, животный, первобытный страх, который ломает психику. Он судорожно, с неожиданной силой схватил Аробея за рукав куртки. Его пальцы были ледяными, как у мертвеца.

— Они... они не стреляли, — прохрипел солдат, и его голос дрожал так, что слова расплывались, превращаясь в невнятное бормотание. — Сначала был гул. Такой низкий... Зубы ломит, внутри всё вибрирует. А потом они появились.

Из тумана. Прямо из белой стены.

— Кто появился? Диверсанты? Группа захвата? — Аробей налил немного воды на пересохшие, потрескавшиеся губы солдата, заставляя его сделать глоток.

— Нет... — солдат закашлялся, и изо рта брызнула алая, пенистая слюна. Его тело скрутило в спазме. — Они двигались как один организм. Без слов. Без команд. Наши открыли огонь... автоматные очереди в упор. А они просто шли. Пули отскакивали, или они их избегали, двигаясь неестественно быстро. Они вскрыли четвёртый вагон. Тот, с чёрным, опечатанным ящиком. Командир кричал, чтобы мы отступали, перегруппировывались, но один из них... он просто повернул голову и посмотрел на него. И командир упал. Без звука. Без выстрела. Просто упал, как кукла с обрезанными нитками.

— Как они выглядели? — Аробей сжал его плечо, заставляя сфокусироваться, возвращая из пучины шока. — Детали. Цвет, знаки различия, оружие.

— Маски... или это были их лица? Я не понял, — всхлипнул солдат, его взгляд снова начал стекленеть, фокус ускользал. — Чёрная броня, поглощающая свет. Они забрали ящик. И оставили нам это... как предупреждение. Они сказали, что «Зенит» проснётся. И тогда все радиоволны в мире станут их голосом.

Глаза солдата закатились, хватка на рукаве ослабла и разжалась. Он потерял сознание, его голова безвольно откину-

лась назад.

Аробей аккуратно уложил его на землю, проверил пульс на сонной артерии. Он был слабым, нитевидным, но ровным. Парень выживет, если вертолёт прибудет вовремя и не попадёт под огонь.

— Гранит, ты всё слышал? — спросил Аробей, поднимаясь. Его взгляд упал на землю рядом с окоченевшей рукой солдата. Там, в липкой грязи, лежала гильза. Но не стандартная 5.45. Она была странной, утолщённой, сделанной из какого-то тусклого, не отражающего свет сплава, с незнакомой, геометрической маркировкой. От неё едва заметно тянуло озоном, тем самым запахом, как после мощного разряда молнии. Аробей достал пинцет, аккуратно поднял её, положил в герметичный пакет и убрал в разгрузку. Это была вещественная улика, которая не вписывалась ни в один известный арсенал.

— Слышал, Аробей, — голос Гранита теперь был предельно серьёзным, без тени прежней аналитической отстранённости. — Искра только что взломала внутренний сервер местного железнодорожного депо. Там есть старый диспетчер, Семён Петрович. Он дежурил в ту ночь. Он видел, как состав уводили не по основной ветке, а через заброшенные подъездные пути, ведущие прямо к старому машиностроительному заводу.

— Значит, Ворон не врал, — констатировал Аробей, пряча пакет с гильзой.

— Нет, не врал. Аробей, ситуация меняется кардинально. Это больше не просто поисковая операция по факту исчезновения. Если они действительно забрали компонент «Зенита», мы имеем дело с организацией, которая знает наши протоколы, обладает технологиями, опережающими наши на десятилетия, и не боится применять их на нашей территории. Твоя новая цель — завод. Найди их след. Но будь предельно осторожен. Если то, что описал этот парень, правда, ты идёшь не против наёмников или диверсантов. Ты идёшь против чего-то, чего мы до сих пор не понимаем и к чему не готовы.

— Понял, — Аробей в последний раз взглянул на раненого солдата, убедился, что тот дышит, поправил на нём куртку, чтобы сохранить тепло, и повернулся в сторону густеющего тумана, за которым уже угадывались зловещие, ржавые силуэты огромных конструкций. — Выдвигаюсь к заводу.

Он сделал шаг вперёд, но тут же остановился. Что-то было не так. Он медленно повернул голову, сканируя периметр боковым зрением. Ничего. Только туман, разбитые вагоны, тишина.

Но тишина была неправильной.

Аробей медленно, не спеша, снял автомат с предохранителя. Его пальцы легли на цевьё, большой палец нащупал переключатель режимов огня. Он сделал глубокий вдох, задержал дыхание и прислушался.

И услышал.

Не звук. Не шорох. Не хруст ветки под ногой. А ту самую тишину.

Он медленно, миллиметр за миллиметром, повернул голову вправо.

В пятнадцати метрах от него, за ржавым остовом вагона, стояла тень. Не одна. Две. Три. Высокие, неестественно вытянутые фигуры в чёрной броне, которая, казалось, поглощала свет, делая их почти невидимыми на фоне серого тумана. Они не двигались. Они просто стояли, наблюдая за ним.

И одна из них медленно подняла руку. В руке было что-то длинное, тонкое, похожее на посох. На конце посоха вспыхнул тусклый, голубоватый свет.

Аробей не стал ждать. Он рванулся вперёд, в сторону ближайшего вагона, чувствуя, как воздух за его спиной рассекается чем-то невидимым. Он услышал свист — низкий, вибрирующий, как у того самого механического воя, о котором говорил Ворон.

Он нырнул в дверной проём вагона, прижался к стене, затаив дыхание. Его сердце билось так сильно, что он боялся, что они услышат его стук.

Снаружи раздался звук. Не выстрел. Не взрыв. Что-то среднее между скрежетом металла и воем ветра. А затем — тишина.

Аробей ждал. Минуту. Две. Три.

Тишина не нарушалась.

Он медленно, выглянул из-за угла вагона.

Никого.

Тени исчезли. Так же бесшумно, как и появились.

Но на земле, там, где стояла ближайшая фигура, остался след. Не отпечаток ботинка. Не отпечаток ноги. Это был выжженный круг в грязи, диаметром около полуметра, с идеально ровными краями, как будто металл расплавился от невероятной температуры.

Аробей посмотрел на этот след, и холодный пот залил его спину.

Они не просто видели в темноте. Они не просто слышали кровь.

Они владели оружием, которого не существовало.

И они знали, что он здесь.

Аробей остался в вагоне ещё на минуту, прислушиваясь к каждому звуку. Ветер гудел в разбитых оконных проёмах. Где-то далеко, за пределами его поля зрения, капала вода — редкая, размеренная, как метроном, отсчитывающий оставшееся время. Он не слышал шагов. Не слышал дыхания. Не слышал того самого низкого, вибрирующего гула, который, как ему показалось, должен был сопровождать появление теней.

Но это не означало, что они ушли.

Он это понял с той же ясностью, с какой понимал в детстве, что отец не вернётся из очередной командировки. Они не ушли. Они отступили. Разница была принципиальной. Уходят, когда побеждены. Отступают, когда готовят что-то

большее.

Аробей медленно, на цыпочках, выбрался из вагона. Воздух снаружи казался гуще, тяжелее. Туман сгустился настолько, что видимость упала до десяти метров. Он вернулся к тому месту, где оставил Ковалёва, стараясь не наступать на выжженный круг в грязи. Круг всё ещё слабо дымился, от него поднималась тонкая струйка дыма с тем самым запахом озона.

Солдат лежал в том же положении, в каком Аробей его оставил. Грудь вздымалась чуть заметнее, чем раньше. Это был хороший знак. Значит, организм боролся.

Аробей опустился на одно колено рядом с ним, достал из подсумка вторую флягу — с электролитом, специально для таких случаев. Он аккуратно приподнял голову Ковалёва, поднёс горлышко к его губам. Солдат рефлекторно сглотнул, его горло дёрнулось.

— Боец, — тихо позвал Аробей. — Меня зовут Аробей. Я из Центра. Ты в безопасности. Как тебя зовут?

Ковалёв открыл глаза. В этот раз в них было чуть больше сознания. Чуть меньше ужаса. Он моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд на лице Аробея.

— Ковалёв, — прохрипел он. — Денис Ковалёв. Ефрейтор. Третий взвод охраны.

— Денис, слушай меня внимательно, — Аробей говорил ровно, спокойно, тем голосом, которому его учил Гранит много лет назад. Голосом, который возвращал людей из пу-

чины шока. — Вертолёт будет через полчаса. Ты должен держаться. Расскажи мне ещё раз. Медленно. Без спешки. Что произошло после того, как они забрали ящик?

Ковалёв сглотнул, его губы дрожали. Он закрыл глаза на секунду, собираясь с мыслями.

— Они... они не сразу ушли, — начал он, и его голос был тише, но твёрже, чем раньше. — Они забрали ящик. Четверо несли его. Как будто он ничего не весил. Хотя он весил, наверное, тонн пять. Потом один из них... главный... он остался. Повернулся к нам. К тем, кто был ещё жив.

— Сколько вас было? — перебил Аробей.

— Нас было двенадцать. Двенадцать человек охраны. Плюс машинист и его помощник. Четверо погибли сразу, при крушении. Ещё трое — когда они вышли из тумана. Остальные... остальные были живы, когда они забрали ящик.

— И что сделал главный?

Ковалёв помолчал. Его рука снова судорожно схватила рукав Аробея.

— Он сказал... он сказал что-то. Не по-русски. Не на любом языке, который я знаю. Но я понял. Все поняли. Как будто его слова напрямую в мозг входили, минуя уши. Он сказал: «Свидетели не нужны. Но вы будете жить. Вы расскажете».

— Что расскажете?

— Что «Зенит» проснулся. Что он идёт. Что его нельзя остановить.

Ковалёв закашлялся, и снова изо рта брызнула кровь. Аробей прижал его плечо к земле, не давая ему двигаться.

— Денис, ещё одно. Как он выглядел? Главный. Чем отличался от остальных?

— У него... у него не было шлема, — прошептал Ковалёв, и в его голосе снова прорвался ужас. — У остальных были шлемы. Чёрные, без визоров. А у него... у него было лицо. Но это было не лицо. Это было... как будто лицо лепили из воска, и оно ещё не застыло. Глаза были слишком близко друг к другу. Рот — слишком широкий. И он улыбался. Всё время улыбался. Даже когда говорил.

Аробей почувствовал, как по спине пробежал холод. Он видел много страшного за двадцать лет службы. Он видел смерть. Видел пытки. Видел, как люди теряют человеческий облик под воздействием страха, боли, наркотиков. Но то, что описывал Ковалёв, было другим. Это было не искажение человеческого. Это было нечто, что притворялось человеческим. И притворялось плохо.

— Спасибо, Денис, — тихо сказал Аробей. — Ты сделал всё, что мог. Теперь отдыхай. Вертолёт скоро будет.

Он аккуратно уложил голову солдата на свёрнутую куртку, проверил повязку на его боку — кровь просачивалась медленно, рана не была смертельной — и поднялся.

— Гранит, — он нажал тангенту, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Ковалёв в сознании. Дал показания. Готовь вертолёт к немедленной эвакуации. И подготовь допрос —

но не стандартный. Нужен специалист по психолингвистике. И по паранормальным явлениям, если такой есть в штате.

В эфире снова повисла пауза. Аробей мог почти слышать, как Гранит на том конце провода взвешивает каждое слово.

— Аробей, — наконец сказал Гранит, и его голос был тише, чем обычно. — Я тебя услышал. Вертолёт будет. Но... ты понимаешь, что если я доложу о паранормальных явлениях, меня отправят в психиатрическую экспертизу. Вместе с тобой.

— Я понимаю, — отрезал Аробей. — Но если я не доложу, мы оба будем мертвы через неделю. Потому что то, что здесь произошло, не остановится на тайге.

Снова пауза. Затем — короткий, почти незаметный вздох.

— Принято, Аробей. Я доложу. Но не сейчас. Сначала мне нужны доказательства. Физические. Не слова раненого солдата.

— У меня есть гильза, — сказал Аробей, похлопав по под сумку. — И след от их оружия. Выжженный круг в грязи. Я отправлю снимки через защищённый канал.

— Жду, — сказал Гранит. — И Аробей... будь осторожен. Если они знают, что ты здесь, если они видели тебя... они могут вернуться.

— Я знаю, — коротко бросил Аробей, отключая микрофон.

Он достал из разгрузки бортовую камеру, навёл её на выжженный круг в грязи, сделал серию снимков с разных ра-

курсов. Затем — на гильзу, которую он уже упаковал в герметичный пакет. Отправил данные через защищённый канал, дождавшись подтверждения получения.

После этого он вернулся к осмотру поезда.

Четвёртый вагон — тот самый, который, по словам Ковалёва, они вскрыли первым — находился в середине состава. Аробей подошёл к нему с осторожностью, чувствуя, как воздух вокруг меняется. Здесь запах озона был сильнее. Здесь металл вагонов казался холоднее. Здесь тишина была не просто тишиной — она была плотной, осязаемой, как вода.

Дверной проём был вырван с корнем. Металл загнут наружу, петли выломаны. Внутри — мрак, нарушаемый лишь тусклым светом, пробивающимся через разбитые окна.

Аробей включил фонарь, прикрутив его до минимума. Свет выхватил из мрака детали.

Вагон был пуст. Не просто пуст — очищен. Пол был выметен, стены протёрты. Ни пыли, ни следов, ни отпечатков пальцев. Только в центре пола, на том месте, где, судя по всему, стоял тот самый чёрный ящик, остался квадратный отпечаток. Четыре углубления в металле пола, как от ножек контейнера. И вокруг этого отпечатка — странные, геометрические символы. Не надписи. Не рисунки. Символы. Выжженные в металле, как будто кто-то использовал металлургический резак.

Аробей присел на корточки, рассматривая их. Символы были не случайными. В них была система. Была логика. Но

логика, которую он не мог понять.

Он достал камеру, сделал снимки. Отправил Граниту с пометкой: «Проанализировать. Возможно, шифр. Или предупреждение».

Затем он заметил кое-что ещё. В дальнем углу вагона, на стене, была царапина. Не глубокая. Но свежая. Кто-то оставил её совсем недавно, может быть, час назад. Аробей подошёл ближе, направив свет фонаря.

Это было не царапина. Это было слово.

Написанное кровью.

ЗЕНИТ

Буквы были кривыми, написанными в спешке, но каждая была выведена с пугающей тщательностью. Кровь ещё не полностью высохла. Она была тёмной, почти чёрной в свете фонаря.

Аробей замер. Он смотрел на это слово, и что-то внутри него сжималось. Не страх. Не ужас. Что-то другое. Осознание.

Это было не предупреждение. Это было послание. Послание для него.

Они знали, что он придёт. Они знали, что он найдёт этот вагон. Они оставили ему это послание, как охотник оставляет приманку.

И он понял, что попался.

Не в физическом смысле. Он не был в ловушке. Не был окружён. Но он понял, что его ведут. Что каждый его шаг

был предсказан. Что его путь от метеостанции до этого поезда был не его выбором, а их сценарием.

Он медленно выпрямился, чувствуя, как холодный пот застывает на спине. Он посмотрел на слово на стене, на символы на полу, на выжженный круг снаружи. И он понял одну вещь.

Они не просто забрали «Зенит». Они его активировали. Или, по крайней мере, начали процесс активации. И теперь им нужен был он. Не как враг. Не как свидетель. Как катализатор. Как тот, кто завершит то, что они начали.

Он нажал тангенту.

— Гранит, — его голос был ровным, но в нём звучала та самая сталь, которая появлялась только в моменты предельной ясности. — Я нашёл послание. Они знали, что я приду. Они ведут меня.

— Куда? — спросил Гранит.

— На завод.

Пауза. Долгая.

— Ты не обязан идти, Аробей, — тихо сказал Гранит. — Я могу отозвать операцию. Могу отправить группу.

— Группа не справится, — отрезал Аробей. — Они их убьют. Или хуже — они их превратят. Ты сам слышал, что сказал Ковалёв. Они не стреляют. Они делают что-то другое. Что-то, от чего люди перестают быть людьми.

Снова пауза.

— Что ты предлагаешь? — наконец спросил Гранит.

— Я иду один. Как всегда. Но на этот раз я иду не для того, чтобы найти их. Я иду для того, чтобы они нашли меня. Я буду приманкой. А ты, Гранит, будешь моим спасателем. Если я не выйду на связь через двенадцать часов — запусти протокол «Зачистка». Уничтожь всё. Завод. Гору. Тайгу вокруг. Не оставляй ничего.

В эфире повисла тишина. Аробей мог почти слышать, как Гранит на том конце провода закрывает глаза. Как он сжимает кулаки. Как он принимает решение, которое изменит всё.

— Принято, Аробей, — наконец сказал Гранит, и его голос был твёрдым, как гранит. — Двенадцать часов. Если ты не выйдешь на связь — я запущу «Зачистку». Но Аробей...

— Да?

— Возвращайся.

Аробей почти улыбнулся. Почти.

— Постараюсь, — сказал он, отключая микрофон.

Он вышел из вагона, чувствуя, как воздух снаружи бьёт в лицо холодом. Туман сгустился ещё больше. Видимость упала до пяти метров. Он не видел даже рельсов под ногами. Но он знал, куда идти. Он чувствовал завод. Как чувствуют приближение грозы по давлению в висках.

Он двинулся вперёд, обходя разбитые вагоны, держась ближе к лесополосе. Каждый шаг был выверен. Каждый вдох — осознан. Он не думал о том, что его ждёт. Он думал о том, что он должен сделать.

Остановить «Зенит».

Или умереть, пытаясь.

Через двадцать минут ходьбы деревья начали редеть. Ту-ман стал менее плотным. И впереди, за последним поворо-том тропы, он увидел его.

Завод.

Огромный, ржавый, мёртвый гигант, возвышающийся над тайгой, как скелет доисторического зверя. Цеха с выбитыми окнами. Трубы, уходящие в серое небо. Заборы, покрытые ржавчиной и мхом. И тишина. Та самая, абсолютная, звенящая тишина, которая означала, что здесь что-то есть. Что-то, чего боится даже природа.

Аробей остановился на краю лесополосы, сливаясь с тенью огромного кедра. Он смотрел на завод, и что-то внутри него сжималось. Не страх. Не ужас. Решимость.

Он достал из разгрузки последнюю вещь — небольшую, потёртую фотографию. На ней был молодой Гранит, ещё без седины в волосах, без тени усталости в глазах. Рядом с ним — молодой Аробей, только что принятый в отряд. Они стоят на фоне какого-то здания, улыбаются. Это было двадцать лет назад. До всего. До метеостанции. До «Зенита». До этой тайги.

Аробей посмотрел на фотографию секунду. Затем аккуратно убрал её обратно в подсумок, в герметичный карман, ближе к сердцу.

Он сделал глубокий вдох. Выдох. Снял автомат с предохранителя. Проверил магазин. Полный. Проверил запасные.

Три магазина в разгрузке. Нож на поясе. Гранаты — две светошумовые, одна дымовая.

Всё.

Больше у него ничего не было. Ни группы поддержки. Ни плана эвакуации. Ни гарантии, что он вернётся.

Но у него было кое-что другое.

У него была тишина.

И он собирался использовать её как оружие.

Аробей шагнул из-за дерева, вперёд, к заводу. Туман сомкнулся за его спиной, отрезая путь назад. Впереди был только ржавый гигант и тишина, которая ждала его.

Он шёл не как солдат. Не как оперативник. Не как герой.

Он шёл как человек, который наконец-то понял, за что он воюет.

И за что он готов умереть.

Эхо в бетоне

Протокол лжи

Пепел и снег

Дорога на восток

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.